

Метрическая стопа в языках манде

Данная статья имеет целью продемонстрировать эвристическую ценность такой единицы, как метрическая стопа, для изучения языков манде, а также показать специфику стопы в этих языках.

Особенностью языков манде¹ является то, что практически все они являются тональными и, как принято считать, не имеют ударения (по крайней мере, в преобладающей в сегодняшнем языкознании манде трактовке; более подробно этот вопрос будет обсуждён ниже). Поскольку традиционное определение метрической стопы базируется именно на ударении, представляется необходимым обосновать саму правомерность применения термина «стопа» к этим языкам, а также выявить её особенности.

Для начала сделаем обзор того, что было написано предшественниками о силлабической структуре языков манде в связи с интересующим нас здесь сюжетом.

Наиболее интересные мысли по этому поводу обнаруживаются в работах Лё Саута, которые оказали большое влияние на других исследователей южных языков манде. В своём исследовании фонологии гбан [1973] он говорит о «фонологических слогах», а в очерке фонологии гуру [1979] – о «силлабемах», имея в виду в обоих случаях одно и то же. Лё Саут определяет эту единицу («фонологический слог/силлабему»; в дальнейшем я буду, для краткости, говорить только о силлабемах) как «мономонематическая последовательность, которая ведёт себя, во всех отношениях, как последовательность структуры CV, произнесённая изолированно или в контексте» [Le Saout 1979, 33]. Он выделяет в языке гуру следующие типы силлабем: V, CV, CVV, CVV₂, CVLV, CVIV₂. Вот причины, по которым Лё Саут отказывается рассматривать сегменты типов CVLV, CVIV₂ (и, тем более, CVV и CVV₂) в гуру как двусложные:

1. Силлабема является «резонантной единицей» (*unité de résonance*): она или целиком назальная, или целиком оральная.
2. Силлабема является просодической единицей: все силлабемы принимают одни и те же тональные схемы (обусловленные лексически, грамматически или контекстно).
3. Силлабема является единицей вокалической гармонии:² все гласные силлабемы относятся к одной и той же серии.

---

¹ Семья манде входит в нигеро-конголезскую макросемью и насчитывает от 60 до 70 языков (определить их точное количество затруднительно из-за того, что во многих случаях граница между разными языками и диалектами одного языка оказывается нечёткой), распространённых в разных странах Западной Африки, от западной Нигерии до Гвинеи и Сенегала.

² Лё Саут говорит о «гармонии по открытости», но на самом деле речь идёт о гармонии по признаку продвинутости/отодвинутости корня языка, $\pm$ ATR.

4. Силлабема является единицей вокалического сращения (*unité de coalescence vocalique*): лишь некоторые комбинации гласных, в рамках вокалической гармонии, оказываются разрешёнными.

5. Силлабема является единицей консонантной дистрибуции (*unité de distribution consonantique*): лишь некоторые согласные допустимы в интервокальной позиции³ [Le Saout 1979, 33].

Отметим, что единица, называемая Лё Саутом «силлабемой», характеризуется повышенной степенью внутренней связанности, и её роль в фоноритмике языка гуру оказывается очень велика. При этом интерпретация, предложенная этим автором, не даёт ответа на некоторые вопросы.

1. Лё Саут выделяет четыре тонемы в гуру: Высокую Низкую, Нисходящую и Восходящую;⁴ доменом реализации тонемы он считает силлабему. В то же время он признаёт существование некоторых «термов структуры CVV», которые несут тоны, «не разрешённые для силлабем структуры CVV»:

/sèě/ [sěě] ‘ребро’, /sàǎ/ [sǎǎ] ‘циновка’, /wǎǎ/ [wǎǎ] ‘невеста’, /tòǒ/ [tǒǒ] ‘маниока’;

/lî/ [lî] ‘кровать’, /kwî/ [kwî] ‘улитка’, /lû/ [lû] ‘платок’.

Этот автор полагает, что эти случаи «возможно, являются частично заимствованиями, частично составными словами, появившимися в результате выпадения согласной» [Le Saout 1979, 27].

Однако такое объяснение не может быть признано удовлетворительным по следующим причинам:

– по крайней мере три из семи основ из этого списка отмечены и в других южных языках манде:

‘ребро’: дан-гуэта *sě*, дан-бло *sě*, тура *sǎ-wě*, уан *sěŋ*;

‘циновка’: дан-гуэта *sě*, кла-дан *sě*, дан-бло *sě*, *sě*, тура *sà*, мано *sà*, яурэ *sǎ*, муан *sà*, бен *sě*;

‘маниока’, ‘густая каша’: дан-гуэта *tò* ‘каша из маниоки или из кукурузы’, тура *tù* ‘каша из кукуруза’, гбан *tǒ* ‘кукурузы’, муан *tò* ‘густая каша’.

Таким образом, эти формы не могут считаться ни заимствованиями, ни возникшими путём словосложения из композитов в результате недавнего

---

³ К этому следует добавить, что срединные согласные отличаются от начальных согласных по своему аллофонному варьированию, что позволяет рассматривать их как особые фонемы.

⁴ В статье [Выдрин 2002] приводится критика интерпретации тональной системы гуру, предложенной Лё Саутом. В более поздних исследованиях, проведённых Ольгой Васильевной Кузнецовой и Натальей Викторовной Кузнецовой (результаты которых частично опубликованы в работе [Kuznetsova N., 2007]; там же даётся детальный анализ стопы в языке гуру и её оригинальная интерпретация) были уточнены многие важные особенности тонологии этого языка. Впрочем, эти уточнения не влияют принципиально на проблемы, затрагиваемые в данной дискуссии.

выпадения интервокальных согласных – судя по всему, формы, которые следует реконструировать для пра-южного манде, должны быть достаточно близки к таковым в современном гуру;

– помимо перечисленных Лё Саутом, имеются и другие формы типов CVV, CVV₂, CVLV и CVIV₂ с «запрещёнными» тонами, такие как *zàṅā* /*zàLā* / ‘муж’, *gbàù* ‘кухня’, *pālò* ‘рулон’, *pòò* ‘набедренная повязка’; вне всякого сомнения, этими примерами список не исчерпывается. Таким образом, класс «исключений» оказывается открытым.

Могут быть предложены следующие объяснения такой ситуации:

а) эти формы не следует считать «силлабемами». Но это не избавляет нас от следующего неприятного вопроса: если это не «силлабемы», то что это? В системе, предлагаемой Лё Саутом, места для них не оказывается;

б) приходится отказаться от второй характеристики «силлабемы» («все силлабемы допускают одни и те же тональные схемы»). Тяжёлые «силлабемы» (то есть CVV, CVV₂, CVLV et CVIV₂) могут нести более одной тонемы, в отличие от «силлабем» типа CV.

Второе объяснение кажется мне предпочтительным; я предполагаю, что и на более ранних этапах существования языка гуру ситуация была примерно такой же.

2. Обязательный одноморфемный характер «силлабемы» не подтверждается.

Во-первых, в гуру имеются морфемы, которые, по крайней мере в синхронии, состоят более чем из одной «силлабемы». Речь идёт о редуцированных словах, составные части которых не функционируют в языке в качестве морфем, а также и многие другие слова, такие как *bààsé* ‘панголин’, *bánàná* ‘головная боль’, и др.

Кроме того, существуют «силлабемы», в том числе и типа CV, которые состоят из более чем одной морфемы. Рассмотрим следующие формы:

Основа	Форма в хабитуалисе/футуруме	Перевод
<i>dɔ̄</i>	<i>dɔ̄ā</i>	строить
<i>bí</i>	<i>bīē</i>	гнать
<i>jē</i>	<i>jā</i>	убивать
<i>yí</i>	<i>yē</i>	видеть

Формы *dɔ̄ā* и *bīē* неоспоримо содержат по две «силлабемы» (хотя бы по тому, что гласные, входящие в одну «силлабему», не могут различаться по признаку «назальность»), и это соответствует числу морфем, составляющих каждую из этих форм. Аналогично, следует признать, что формы *jā* и *yē* также двуморфемны (морфема хабитуалиса/футурума представлена здесь своим алломорфом-операцией «изменение качества гласной»), но считать их «двухсиллабемными» представляется невозможным.

Таким образом, приходится признать, что «силлабема» оказывается не двусторонней единицей; она имеет только один план – план выражения.

3. В своём описании языка гбан Лё Саут пользовался термином «фонологический слог». В работе по фонологии гуру он заменил этот термин на «силлабему» – очевидно, чтобы избежать термина «слог». Но вопрос остаётся открытым: существует ли в гуру слог (отличный от «силлабемы»), и если да, каковы его отношения с «силлабемой»?

Отметим, что в описаниях южных языков манде «слогом» нередко называют то, что Лё Саут обозначает термином «силлабема». Так, Томас Беарт [Beaith 1971, 55-57] находит в тура следующие типы слогов: V, VV, CV, CVV, CVVV (редкий, только в идеофонах), CVIV, CVIVɲ (довольно редкий тип). И действительно, если сравнить характеристики этих элементов с характеристиками слога (см., например, [Кодзасов 1990]), то обнаруживается много сходного: внутри «слога» тура (в трактовке Беарта), несомненно, действуют правила коартикуляции и распределения длительностей; он реализуется как цельный артикуляционный комплекс; на него, очевидно, приходится один «дыхательный импульс».

Напротив, Маргрит Болли [Bolli 1976, 14] в своём анализе фонологической системы языка дан оспаривает односложную трактовку единиц типа CVV, «поскольку V₁ и V₂ могут различаться по тону», и анализирует их как состоящие из одного «главного слога» (*syllabe majeure*) и одного «малого» (*syllabe mineure*), -V.

Подход М. Болли соответствует интуиции носителей естественных языков: «Несомненно, носители всех языков ощущают гласные и вокализованные сонорные как особые участки звуковой цепи, как вершины звучности, задающие ритмический скелет слова» [Кодзасов, Кривнова 2001, 454]. Если мы возьмём в качестве примера «силлабему» гуру *bùlú* ‘плюющаяся кобра’ и попытаемся проинтерпретировать её как односложную единицу, мы должны рассматривать звуковую последовательность *-ùlú* как рифму, но дальнейший анализ наталкивается на серьёзные трудности: выделить единую вершину звучности очевидным образом не получается, поскольку две гласных, разделённых согласной, вряд ли могут рассматриваться как одна вершина. Если исходить из того, что вершина звучности у слога должна быть одна, последовательность *bùlú* необходимо рассматривать как двусложную.

Что касается последовательностей типа CVV, то их силлабический статус зависит от интерпретации вокалической части: идёт ли речь о дифтонге / долгой гласной, или же перед нами комбинация двух (разных / идентичных по тембру) гласных? Если остановиться на первом решении, то фонемный инвентарь южных языков манде существенно разрастается. Так, в языке тура придётся выделить дифтонги *ie, ie, ai, ao, oi, oa, ie, ie, ia, iz, io, iu, ei, ei, ai, oi, ui*, плюс назальные дифтонги, плюс почти полный инвентарь долгих гласных.

Среди критериев фонемной сегментации самым важным (и самым общепризнанным), по-видимому, является критерий «зависимости фонологической сегментации от сегментации морфологической» ([Касевич 1983, 22-23], ср. тж. [Creissels 1994, 46]). В нашем случае он может быть

сформулирован следующим образом: если в данном языке обнаруживаются случаи, в которых морфемная граница может быть проведена внутри анализируемого вокалического сегмента, значит, речь идёт о сочетании двух гласных фонем. В таком случае все подобные сегменты должны рассматриваться в этом языке как бифонемные комбинации.

Применяя этот критерий к гуру, мы приходим к выводу, что контраст форм типа *dā* 'продавать' : *dāā* 'продавать' (хабитуалис/футурум) демонстрирует возможность провести морфемную границу внутри долгого вокалического сегмента, который, таким образом, должен рассматриваться как последовательность двух одинаковых по тембру гласных. Дополнительные примеры можно обнаружить в парадигме личных местоимений гуру [Vydrine 2005].

Это позволяет утверждать, что все тяжёлые «силлабемы» в гуру являются двусложными сегментами.

Результаты дискуссии можно подытожить следующим образом: Вопреки Лё Сауту [le Saout 1979, 33],

- тяжёлые «силлабемы» ведут себя в гуру в некоторых отношениях иначе, чем лёгкие «силлабемы»;

- тяжёлые «силлабемы» являются двусложными единицами (а в некоторых языках южной группы манде имеются, по-видимому, и трёхсложные «силлабемы»);

- «силлабема» оказывается односторонней единицей, не имеющей плана содержания.

С учётом всех этих поправок, встаёт вопрос: насколько удачен в данном случае сам термин «силлабема»?

В современной зарубежной лингвистике он не слишком популярен. В англоязычной литературе он почти не используется; во франкоязычной он фигурирует иногда как эквивалент термина «слоговая вершина» (поуау syllabique), особенно в значении «сонант, выступающий в функции слоговой вершины». В русской лингвистической традиции этот термин широко употребляется применительно к слогам «слоговых языков» Юго-Восточной Азии, для которых характерна очень сильная корреляция между слоговыми и морфемными границами – иначе говоря, там, где слог чаще всего оказывается одновременно и морфемой [Касевич 1983, 118-121]. В чём-то употребление термина «силлабема» Лё Саутом перекликается с таковым в российской традиции, однако всё вышесказанное свидетельствует о том, что между «силлабемами» южных манде и «силлабемами» языков ЮВА обнаруживаются весьма существенные различия.

Тем не менее, очевидно и то, что выделенная Лё Саутом единица (как бы её ни называть) не лишена эвристической ценности; её реальность хорошо ощущается многими исследователями языков манде. Отсутствие её точного определения оказывается препятствием для адекватного понимания фонологических систем языков манде.

В современной фонологической теории имеется понятие, которое, как представляется, достаточно хорошо соответствует интересующей нас единице. Я имею в виду «метрическую стопу» (англ. *metrical foot*), введённую

в 1981 году Е.О. Селкирк. Под стопой она понимает просодическую единицу более высокого уровня, чем слог. Стопы могут быть «связанными» (бинарными, содержащими максимум два слога) или «несвязанными» (с неограниченным числом слогов). Один из слогов стопы является доминирующим; стопы различаются по направлению доминирования: ямбические (конечный сильный слог) и хореические (начальный сильный слог).

Насколько мне известно, в российской фонологии метрическая теория не нашла большого отклика – так, в работах С.В. Кодзасова она лишь упоминается [Кодзасов 2002, 336]. На Западе же она пользуется большой популярностью и активно привлекается для объяснения просодических особенностей различных языков.

Пытаясь применить понятие «метрическая стопа» к языкам манде, необходимо всё же сделать существенные оговорки. Дело в том, что в «каноническом» варианте метрической теории понятие стопы неразрывно связано с ударением. Ведь «доминирующий», или «сильный» слог в стопе – это фактически то же самое, что ударный слог. Но в работах по фонологии языков манде ударение почти никогда не выделяется.⁵ И это понятно, ведь практически все языки манде тональные, а тоны обычно считаются плохо совместимыми с ударением, и системы, сочетающие оба эти просодические средства, рассматриваются обычно как переходные.

Но если взглянуть на материал языка гуру в свете метрической теории, то оказывается, что в стопе типа CVCV один из слогов чаще всего может рассматриваться как доминантный. Направление доминирования чаще всего определяется характером сочетающихся гласных: если первая гласная стопы более открытая, чем вторая, то доминирующим (ударным) оказывается первый слог; при любых других сочетаниях гласных, в том числе при обоих одинаковых по тембру гласных, доминирует второй слог. В слабом слоге гласная обычно редуцируется, иногда вплоть до полного выпадения. В хореических стопах (гораздо менее многочисленных в гуру по сравнению со стопами ямбическими) может редуцироваться и согласная: *bēlī ~ bēyī* ‘ночь’ [Выдрин 2002, 164].

Очевидно, в то же время, что, заменив Лё Саутовский термин «силлабема» на «стопу», придётся приписать стопе в языках манде весьма своеобразные особенности:

1) стопа может содержать и всего один слог, причём односложные стопы оказываются весьма многочисленными;

2) стопы можно выделить и в языках, в которых не обнаруживается ударение. При этом внутренняя интеграция стопы может обеспечиваться при помощи следующих средств:

---

⁵ За некоторыми исключениями: Уильям Уельмерс говорит об ударении в кпелле [Welmers 1962]; Дэвид Двайр, формулируя правила реализации тонов в банди, говорит о совмещении тонов и ударений [Dwyer 1973]; Дени Кресель, в одном из своих неопубликованных докладов на конференции по африканской лингвистике в Лейдене, предлагает интерпретировать просодическую систему мандинка как переходную от тональной к акцентной [Creissels 1982].

– вокалическая гармония;
– гармония по назальности;
– ограничение инвентаря допустимых вокалических и тоновых сочетаний в рамках стопы;

– несовпадение инвентарей согласных в начальной и в серединной позициях в стопе (в предельном случае, инвентарь срединных согласных может сводиться к одной единственной фонеме *-l-*, что и имеет место в большинстве южных манде). Нередко начальные и срединные фонемы имеют разные аллофоны и разные правила распределения аллофонов, так что, в принципе, можно даже постулировать неэквивалентность согласных в начале и в середине стопы во многих языках манде;

3) как следствие особенности (2), в стопных языках манде, не имеющих ударения, двусложные стопы могут и не различать сильных и слабых слогов.

То, что стопа в языках манде – это не конструкт, порождённый лингвистом, а реальность, помогает проверить несложный тест. Достаточно сравнить последовательности фонем, которые выглядят как идентичные, но в одном случае представляют собой одну стопу, в другом – две. Оказывается, что такие последовательности различаются по произношению. Так, в тура [Bearth 1971, 55] мы имеем /kóló/ [kóló] ‘чесотка’ vs. /kó|ló/ [kóló ~ kó|dó] ‘пойдём’.

В каждом из языков манде стопа обладает своим особым набором признаков.⁶ Так, Томас Беарт [1971, 54-56] выделяет следующие особенности стопы⁷ в тура:

– стопа типа CVLV всегда содержит идентичные гласные, которые реализуются как более краткие по сравнению с гласными в стопах типа CV, при этом наблюдаются варианты реализаций [CVIV] ~ [CIVV];

– в именной синтагме генитивного типа том второго компонента меняется на ультранизкий. Если этот компонент одностопный, тон меняется на всей стопе: *tɔ̀ŋ* ‘закон’ → *péé tɔ̀ŋ* ‘закон деревни’. Если же компонент двустопный, меняется только тон на первой стопе: *yòŋ* ‘лимон’ → *péé yòŋ* ‘лимон деревни’.

Первая из этих черт достаточно типична для южной группы манде; вторая характерна только для тура.

В дан-гуэта (восточном дан) обнаруживаются такие типы стоп: V, ŋ, CV, CVV, CVŋ, CVVV, CVVŋ, CIV, CIVV, CIVŋ (ŋ представляет собой гласную с ограниченной дистрибуцией, она не может выступать в качестве вокалического ядра слога типа CV). По-видимому, в этом языке градация стоп по «весу» оказывается трёхчленной: лёгкие стопы (V, ŋ, CV), тяжёлые стопы (CVV, CVŋ, CIV) и сверхтяжёлые стопы (CVVV, CVVŋ, CIVV, CIVŋ). Каждый тип обладает своими особенностями, но наблюдаются и общие черты, например, схожие тенденции в ограничениях на сочетаемость гласных

⁶ Я не исключаю, что в каких-то языках манде выделять стопу не нужно.

⁷ Напомню, что Т. Беарт называет эти единицы «слогами».

в пределах стопы; схожие комбинации тонов.⁸ Так, правила комбинации тонов и на тяжёлой, и на сверхтяжёлой стопе могут быть сформулированы следующим образом:

- а) все комбинации одинаковых тонов разрешены;
- б) ультранизкий тон в конечной позиции сочетается с любым ровным тоном первого слога;
- в) средний тон первого слога стопы сочетается (помимо среднего и ультранизкого) с более высокими тонами на втором слоге.

В языках манде группы манден, таких как стандартный бамана или манинка, степень внутренней спаянности стопы существенно ниже, но и здесь эта единица оказывается валидной. Так, двусложная стопа в бамана имеет следующие особенности:

- 1) оказывается допустимым ограниченный набор сочетаний гласных;
- 2) инвентарь и дистрибуция согласных в серединной и в начальной позициях не совпадает;
- 3) в трёх- и многосложных словах с восходящим тоном граница, на которой начинается повышение тона, всегда совпадает с границами между стопами (см. [Dumestre 1987/1994, 29-54]; впрочем, этот автор не интерпретирует ситуацию в терминах стоп);
- 4) в двусложной стопе конечный слог часто оказывается доминантным (ударным). Гласная недоминантного (безударного) слога сильно редуцируется, а во многих диалектах бамана она полностью элидируется.

В более южных идиомах манден, в соответствии с общей ареальной тенденцией, дисбаланс в пользу доминантного слога в стопе структуры CVLV увеличивается вплоть до полного и безвозвратного устранения первой гласной, в результате чего стопа приобретает вид CrV: *kóló ‘кость’ > койага kró, *jàrá ‘лев’ > койага *jrá, etc. [Creissels 1988].

Встаёт вопрос: возможно ли провести чёткую грань между сегментами, которые являются стопами, и сегментами, которые ими не являются? Я думаю, в большинстве языков манде (а может быть, и во всех этих языках) реальность довольно сложна, и этот вопрос следует интерпретировать в терминах «центр – периферия». Ядро системы в таком случае составляют элементы, которые обладают всеми характеристиками стопы. Но всегда будут появляться и промежуточные случаи, которым будут присущи некоторые черты стоп, а некоторые – нет.

Так, в дан-гуэта имеются морфологически сложные формы локативных падежей «локативных имён» (*síāā* ‘на земле’, *blāā* ‘в поле’) и заимствования (*gbàúù* ‘кухня’, заимствование из дьюла *gbàbúgù*), которые похожи на стопы во всём, кроме своих тональных контуров. Ср. другие морфологические формы, которые, по-видимому, функционируют как «обычные» стопы: *sǔǔ* ‘зубами’ (инструментальный падеж, исторически *sǔ *ká*, где *ká* –

---

⁸ В дан-гуэта выделяются пять регистровых тонов и три контурных (все три – падающие).

инструментальный послелог) ; *kɔ̃ɔ̃* ‘на стене дома’ (исторически **kɔ̃ b̃à*, где *b̃à* – послелог ‘на’).

Фактически во многих языках манде наблюдается постоянный процесс «стописации», т.е. превращения сложных (двустопных, а иногда и многостопных) слов в одностопные единства, что проявляется в размывании межстопных границ и последующем упрощении форм слов, а также в утрате этимологической прозрачности. Примеров тому множество.

Так, в бамана *dlá* ‘кровать’ (*dilan* в принятой в Мали орфографии) восходит к *dá-la* «ложиться – инструментальный суффикс».

В гуру слово *búlú* [búlú] ‘сестра’ по происхождению – композит (*bú* ‘мать’ + *lú* ‘дочь’), но в синхронии оно ведёт себя как одностопное: первая гласная редуцируется, срединный согласный не варьирует с *d*. Слово *léí* ‘слюна’ исторически содержит два корня, *léé* ‘рот’ и *uí* ‘вода’, и т.д. Моник Дион [Monique Dion 1980, 60-61] пишет в этой связи о своих наблюдениях в деревне гуру, где она проводила исследование:

... в Бануфла дети и молодые люди часто не знают исходных форм сложных слов (весьма многочисленных в гуру); они знают лишь поверхностные формы и не умеют выделять составляющие, входящие в композиты ... Таким образом, гуру постоянно – и быстро – эволюционирует, и тот факт, что этот язык бесписьменный, ускоряет этот процесс.

Таким образом, в диахронической перспективе можно говорить о двух процессах, затрагивающих стопу; оба эти процесса должны учитываться в реконструкции праязыка.

В первую очередь, это процесс стяжения сложных слов и их превращения в одностопные единства (о чём только что шла речь). Процесс этот – индивидуальный и непредсказуемый.

С другой стороны, по всей южной части зоны распространения языков манде наблюдается стойкая тенденция к «облегчению» структуры стопы: *CVCV > CVV, *CVLV > CLVV > CLV, и т.д. Логической конечной точкой в этой эволюции должна стать полная моносиллабизация всех стоп, то есть стопы должны были бы превратиться в слоги, а языки манде – приобрести черты слогового строя, подобно языкам Юго-Восточной Азии. Так, очевидно, и произошло бы, если бы не имелось противоположных тенденций.

В заключение я хотел бы ещё раз обратить внимание на учёт метрической стопы и в синхронных описаниях языков манде (определение типов стоп; выявления инвентаря согласных в различных позициях в стопе; просодические процессы в рамках стопы; вокалические комбинации в пределах стопы), и в праязыковой реконструкции (различные типы изменений внутри стопы и на границах стоп).

ЛИТЕРАТУРА

Выдрин В.Ф. Гуру: язык в процессе расщепления тонов // В кн.: Языкознание в теории и эксперименте. К 80-летию М.К. Румянцева и 40-летию

- лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА при МГУ. М.: «Пробел». 2002. С. 161-189.
- Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. 295 с.
- Кодзасов С.В. Слог // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия. 1990. С. 470.
- Кодзасов С.В. Типология просодии слова и данные дагестанских языков // В кн.: Языкознание в теории и эксперименте. К 80-летию М.К. Румянцева и 40-летию лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА при МГУ. М.: «Пробел». 2002. С. 336-350.
- Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001.
- Bearth, Th. L'énoncé toura. Norman (Oklahoma) : S.I.L., 1971.
- Bolli, M. Etude prosodique du Dan (Blossé). S.I.L./I.L.A., No. 1, Abidjan 1976.
- Creissels D. Ton et accent en mandinka. Paper presented to the Leiden Colloquium. Ms. 1982.
- Creissels D. Eléments de phonologie du koyaga de Mankono (Côte-d'Ivoire). Mandenkan 16, 1988. 159 p.
- Creissels D. *Aperçu sur les structures phonologiques des langues négro-africaines*. 2e édition. Grenoble : Éditions littéraires et linguistiques de l'Université Stendhal–Grenoble 3. 1994.
- Dion M. A phonological analysis of Guro. Ms. 1980.
- Dumestre G. Le bambara du Mali : Essai de description linguistique. Paris : INALCO. Thèse de Doctorat d'Etat / Paris : Les Documents de Linguistique Africaine, 1994, 586 p.
- Dwyer D. The comparative tonology of Southwestern Mande nominals. Michigan State University, Ph.D. 1973.
- Kuznetsova, Natalia. Le statut fonctionnel du pied phonologique en gouro. Mandenkan 43, 2007, pp. 13-45.
- le Saout J. Etude descriptive du Gban : phonétique et phonologie. Paris : LACITO. 1973.
- le Saout J. Notes sur la phonologie du Gouro (zone de Zuénoula). Nice : C.E.P.L.A.N. 1979.
- Vydrine V. Pronoms personnels gouro. The Journal of West African Languages, Vol. XXXI, No. 1-2, 2005, 83-107.
- Welmers W. E. The Phonology of Kpelle. Journal of African Languages (London), 1 (1), 1962. Pp. 69-93.